

— Похоже, что я... проникся к тебе чувствами.

Вэнь Юаньсинь ошеломленно замер, пытаясь осознать услышанное. Его разум помутился. Постепенно на щеках проступил яркий румянец, и кожа, которая и без того была нежной и светлой, теперь, казалось, вот-вот нальется кровью.

— Сюань... ты ведь шутишь, правда? Мы оба мужчины... это невозможно...

— Я никогда не шучу. Скажи ведь, Чжан-эр? — Лун Сюань с лукавой усмешкой повернулся к Лун Чжану, которого держал на руках. Малыш, испугавшись, закивал так часто, что едва не свернул шею. Добившись желаемого, Лун Сюань снова обратился к Вэнь Юаньсиню: — Видишь, брат Юань?

— ... — нахмурившись и с безнадежностью глядя на эту парочку, большую и маленькую, Вэнь Юаньсинь вдруг подумал, что в прошлой жизни, должно быть, забыл возжечь благовония, раз уж его угораздило переродиться в этом месте.

Пока они стояли так, не зная, что предпринять, в комнату принесли горячую воду.

— ...Верни мне Чжана, я пойду искупаю его.

— Ты еще не поцеловал меня, — Лун Сюань наклонился ближе, даже забыв добавить свое привычное обращение от первого лица.

— Ты еще не назвал меня по имени, — Вэнь Юаньсинь одарил его сердитым взглядом.

— ... — снова повисла тишина.

— У-а! — Лун Чжан протянул маленькие ручки, потянувшись к Вэнь Юаньсиню.

Лун Сюань нахмурил густые брови. Он совершенно не умел обращаться с детьми — по сути, это был первый раз, когда он оказался так близок с Лун Чжаном.

— Ох! — вздохнув, Вэнь Юаньсинь заговорил первым: — Если скажешь, почему именно ты ко мне привязался, и назовешь мое имя, я тебя поцелую.

Хмурые брови Лун Сюаня мгновенно расправились, и он радостно воскликнул:

— Легко! Вэнь Юаньсинь, так ведь? Вэнь Юаньсинь, Вэнь Юаньсинь! Хоть сто раз могу повторить!

— ...А можно... называть меня просто Юань? — Вэнь Юаньсинь непроизвольно потянул Лун Сюаня за край рукава и спросил с надеждой в голосе.

От этого сладкого, нежного тона Лун Сюаню стало невероятно приятно.

— Можно, Юань.

— Причина?

— Не знаю. Привязался — значит, привязался. Никаких других причин нет.

Действительно, ни капли сомнений и никакой тягомотины...

Вэнь Юаньсинь бросил на него быстрый взгляд и лишь еще больше пришел в отчаяние. К этому человеку он не испытывал неприязни — напротив, тот ему очень нравился. Ему нравился его голос, его лицо, его внешняя властность и сила, и скрытая внутри нежность и застенчивость. Но он боялся, что этот человек слишком далек от него.

Одним словом — беда.

Сам не заметив как, он набрал в себе столько чувств к нему.

Выходит, они оба были склонны к любви к своему полу? За те шестнадцать лет, что он прожил раньше, он этого так и не осознал. Хотя, возможно, дело было просто в том, что... он полюбил именно потому, что это был Лун Сюань?

— Все слова сказаны, теперь можно поцеловать? Или... хочешь, чтобы я сам все сделал?

— З-знаю я! — смущенно взглянув на Лун Сюаня, Вэнь Юаньсинь, только осознавший свои чувства, оказался перед лицом такой неловкой ситуации... Он был готов разрыдаться, еще раз утвердившись в мысли, что совершенно точно не задабривал богов в прошлой жизни.

Он вытянул губы трубочкой, поднялся и посмотрел, как Лун Сюань медленно приближается. Между ними оставалось меньше полушага, но казалось, что целая вечность...

Лун Сюань, не выдержав, притопнул ногой, опустил Лун Чжана на пол и притянул ошарашенного Вэнь Юаньсиня к себе, накрыв его приоткрытые губы поцелуем.

— М-м... — из уст Вэнь Юаньсиня вырвался тихий стон.

Язык Лун Сюаня сначала очертил контур губ Вэнь Юаньсиня, а затем, проявив сноровку,

раздвинул жемчужные зубы и принялся жадно исследовать нежный, похожий на лепесток язык, упиваясь его сладостью.

Глядя на расширенные, затуманенные от поцелуя фиалковые глаза Вэнь Юаньсиня, Лун Сюань вдруг почувствовал, как внизу живота все сжалось. Вот черт! У него возникло желание.

— У-у... — Вэнь Юаньсинь хмурился. Он, целовавшийся впервые, совсем не знал, как нужно дышать. Его прелестное личико горело ярким румянцем.

Руки, которые он не знал куда деть, сами собой обвились вокруг шеи Лун Сюаня, и в комнате то и дело раздавались смущающие звуки поцелуя.

Лун Чжан в стороне застыл, не в силах пошевелиться. Его венценосный отец и этот нежный брат Юань, которого он только встретил, сейчас... целовались? Столь малый, он совершенно не понимал, что происходит, зная лишь, что мама когда-то целовала его так же, но это был лишь легкий, едва ощутимый поцелуй.

Когда они наконец отстранились, губы Вэнь Юаньсиня покраснели и припухли, а глаза подернулись влажной дымкой.

— ...Фух, я уже и забыл, когда в последний раз пробовал что-то столь сладкое! — Лун Сюань облизнул губы, улыбаясь жадно, будто ему было мало.

Заметив, что он готов повторить, Вэнь Юаньсинь поспешно отступил на три шага назад, подхватил Лун Чжана и, покраснев, выпалил:

— Если... если продолжишь в том же духе, вода остынет! Я... я заберу Чжана купаться, а одежду... попроси кого-нибудь принести нам обеим!

Не успев договорить последнее слово, он скрылся из виду. Лун Сюань усмехнулся и вздохнул: как он мог запасть на такого застенчивого человека?

Он взял два комплекта чистых белых одежд из шкафа. Оглядев пустой дворец, который казался слишком просторным — еще месяц назад здесь все прибирала Ин Юнь, но теперь, когда он заточил ее в темницу, в Зале Поверженного Дракона не осталось ни одного слуги.

— ...Пожалуй, все-таки стоит позвать Цинь, Ци, Шу и Хуа. — Лун Сюань опустил веки, подперев голову рукой, и притворился, что дремлет.

Спрятавшись за ширмой, Вэнь Юаньсинь чувствовал, как бешено колотится его сердце. Он погладил губы, которые только что подверглись глубокому поцелую, и с удивлением поймал себя на мысли, что ему не хотелось уходить. Неужели это и есть то самое ощущение поцелуя?

Сладость. Она разливалась по самому сердцу, даже на языке остался медовый привкус...

Волнение, ожидание того, что он сделает еще больше, поцелует еще раз...

Во рту все еще чувствовались остатки сладости, которой его одарил Лун Сюань. Вэнь Юаньсинь вспыхнул и постарался отогнать эти мысли. Он принялся снимать верхнюю одежду с Лун Чжана и грязные вещи с его крошечного тельца.

— Ох, я все еще не очень-то умею это делать...

Глядя на пояс, который почему-то был завязан лишними узлами, Вэнь Юаньсинь вдруг поймал себя на желании взять ножницы и просто разрезать его, но в комнате, кажется, не было ничего подобного...

Заметив, что Вэнь Юаньсинь остановился, Лун Чжан проследил за его взглядом, уставившись на пояс.

— Прости, я все еще не могу распутать его, — он виновато улыбнулся и спросил: — Ты можешь сделать это сам?

Лун Чжан кивнул и послушно начал бороться со своим узловатым поясом, а Вэнь Юаньсинь снова опустил голову и принялся усердно трудиться над своим.

— Что такое? Не умеешь раздеваться? — Лун Сюань, немного отдохнув, подошел к ширме с одеждой в руках, но, подняв голову, увидел, что и большой, и маленький ведут отчаянную борьбу со своей одеждой.

— М-м, разве здесь не слишком много слоев?

— Ничего не поделаешь. Государство Синшуан расположено на севере, у самого моря, климат здесь холодный и влажный. Не наденешь побольше — замерзнешь насмерть. Ты правда этого не знал? — Лун Сюань обхватил талию Вэнь Юаньсиня, помогая ему снять сложную многослойную верхнюю одежду и пояс. Его глаза то и дело останавливались на тонкой белой шее, едва приметной под прядями волос.

Надув губы, Вэнь Юаньсинь почувствовал, что этот человек его ужасно раздражает!

— Сюань, ты ведь так и не веришь мне, верно? Я же ясно сказал тебе, что я не из этого мира!

— ...Разве не слишком требовательно ожидать, что я поверю в подобные сказки?

— Сказки это или нет, не знаю... Знаю только, что это правда! И... я не знаю, как заставить тебя поверить... — он опустил голову, его тонкие пальцы сжали большую сильную руку, которая якобы помогала ему раздеваться, а на деле — позволяла себе лишнее. Дрожащим голосом он спросил: — Ты сказал, что проникся ко мне чувствами. Это относится к телу Мо Юаня или к душе Вэнь Юаньсиня?

Лун Сюань не спешил убирать руку, позволяя ему держать себя. Его крепкое тело прижалось к худощавой спине, и недавнее возбуждение, казалось, лишь усилилось.

— Юань, если бы мне нравилось просто это тело, то, увидев Мо Юаня в первый раз, я бы приказал оставить его себе, силой принудил и сделал своим наложником... То, что заставило меня чувствовать, — это, вне всяких сомнений, ты... сама сущность Вэнь Юаньсиня. Понимаешь? Только Вэнь Юаньсинь... достоин этого невероятно прекрасного облика.

Услышав это, Вэнь Юаньсинь от смущения потерял дар речи и мог лишь уставиться на Лун Чжана, который деловито возился со своим поясом.

— Что такое? Язык проглотил? — Лун Сюань с усмешкой крепче обнял его, доверительно прошептав что-то прямо на ухо.

— М-м... щекотно, не надо так. Чжан-эр и я собираемся купаться, выходи...

— Какое совпадение, я ведь тоже еще не мылся! — говоря это, Лун Сюань уже принялся снимать свою верхнюю одежду.

— ...Сюань, деревянная бочка не вместит нас троих... — Вэнь Юаньсинь одарил его скептическим взглядом. Если память его не подводит, у Лун Сюаня должна быть своя личная купальня, разве нет?

— Тогда давай... выкинем Чжана, — он не успел договорить, как его прервал голос снаружи.

— Ваше Величество, дело неотложное... — в голосе Жань Цзэна слышалась тревога. Лун Сюань недовольно цыкнул, понимая, что Жань Цзэн никогда не стал бы беспокоить его в часы отдыха по пустякам.

— Сейчас выйду, жди в главной приемной! — он накинул обратно недоснятую одежду и с сожалением сказал Вэнь Юаньсиню, который уже успел усадить Лун Чжана в бочку: — Придется отложить на другой раз. Сегодня я ночью здесь, а ты, Чжан-эр, устраивайся как-нибудь сам.

— ...Кровать большая, трое вполне поместятся... наверное? — Вэнь Юаньсинь дернул уголком рта и ответил с обреченностью.

— ...Как хочешь, но рядом со мной должен быть только не он.

Подразумевалось, что рядом с Лун Сюанем непременно должен лежать Вэнь Юаньсинь.

Тот кивнул. Да и ладно. Все равно, как бы он ни упирался, в конце концов он все равно сдастся, потому что это слишком хлопотно, так что лучше сразу согласиться, чтобы не тратить лишние нервные клетки.

Увидев ответ, Лун Сюань остался доволен и быстрым шагом вышел из-за ширмы, чтобы встретить Жань Цзэна, который застыл, впервые услышав «нежный» тон своего господина.

Шутка ли! Кто во дворце не знал, что правитель холоден и суров со всеми без исключения? Когда это он говорил так мягко, как только что?

— Что случилось? — раздался холодный голос с главного места. Похоже, его государь явно не желал использовать нежный тон с кем-то еще.

— Прошу прощения за дерзость, что потревожил вас во время отдыха, но дело касается... брата консорта Лин, великого генерала из Павильона Цянь У, — Жань Цзэн согнулся в три погибели, отчетливо выговаривая каждое слово.

— Павильон Цянь У? Что с ним?

— Согласно донесениям Хай Цзуна, внедренного вами в резиденцию генерала, генерал Цянь, похоже, тайно набирает войска и готовит восстание. А служанка Ин Хуа, которую вы держите в темнице, под пытками призналась, что ее хозяин — это консорт Лин.

— ...

Неужели они пронюхали о том, что он тайно истребил всю семью Мо? Нет, это невозможно... Если бы это было так, поползли бы слухи.

Лун Сюань прищурился. Впрочем, даже если и узнали — не беда. Сейчас у него есть Юань, и если понадобится, его можно будет использовать. Кто не знает, что у семьи Цянь и семьи Мо были невероятно близкие отношения? Стоит Юаню сказать одно слово, как Павильон Цянь У поверит ему. Но... консорт Лин хотела отравить Юаня? Неужели она хотела навредить ему, Лун Сюаню? Или она просто не могла вынести, что Юань пользуется его милостью? Хотя последнее время он не навещал ее, так что такой ошибки быть не должно, хоть он и решил сегодня начать оказывать ему особое внимание.

...Безнадежно, женское сердце — воистину игла на дне моря.

— ...Передай секретный приказ Хай Цзуну: как только Павильон Цянь У предпримет хоть малейшее движение, немедленно доложить.

— Слушаюсь. А как быть с консорт Лин...

— Пока не предпринимать никаких действий. Хочу посмотреть, что она в итоге задумала. Думаю, в ближайшие дни она себя проявит. — Лун Сюань отпил холодного чая, который налил Вэнь Юаньсинь, и добавил: — Завтра вызови Цинь, Ци, Шу и Хуа, пусть переоденутся в служанок и охраняют Мо Юаня.

— Слушаюсь. Тогда я удалюсь, Ваше Величество, отдыхайте. — Жань Цзэн снова низко поклонился, вышел из комнаты и, осторожно прикрыв дверь, удалился.

Проводив его взглядом, Лун Сюань вернулся во внутренние покои.

— Фух... м-м... — с кровати доносилось тихое ровное дыхание. Большой и маленький тесно прижались друг к другу. Странно! Они ведь познакомились только сегодня, не так ли? Почему кажется, что они знают друг друга лучше, чем его самого? Он с досадой вымылся холодной водой, оставшейся после других — дожить до такого, будучи великим правителем, воистину позор, пришлось пользоваться чужой водой для купания.

Оставшись в одном исподнем, с влажными волосами, он присел на край кровати и уставился на тонкие черты лица Вэнь Юаньсиня, а заодно и на... капельку слюны, предательски сбежавшую из уголка рта.

— Ну и разве это не слишком мило? — Лун Сюань тихо рассмеялся и кончиком пальца бережно стер неэстетичный след.

— М-м... — Вэнь Юаньсинь нахмурился, с явным удовольствием потерся щекой о теплую ладонь и, удовлетворившись этим, продолжил спать, привалившись к руке.

Это движение доставило ему радость, но поставило в тупик Лун Сюаня.

И как теперь спать? Он вовсе не хотел всю ночь простоять вот так, столбом, но и нарушать эту очаровательную сцену не желал. Однако завтра ранний утренний прием, нельзя же явиться туда с подбитыми глазами и стать посмешищем? Осторожно высвободив руку, Лун Сюань быстро откинул тяжелое шелковое одеяло и, заменив руку своим телом, погрузился в тепло Вэнь Юаньсиня. Его ладонь, подобно юркой змее, легла на тонкую талию, а губы растянулись в довольной усмешке, как у кота, дорвавшегося до сливок.

В ту ночь двое взрослых и ребенок, сложившись в причудливую позу, напоминающую иероглиф «река», крепко уснули, погрузившись в свои сны.

На следующее утро Вэнь Юаньсинь, не выдержав тяжести на пояснице, несколько раз моргнул и проснулся. Он ожидал увидеть милое спящее личико Лун Чана, но вместо этого наткнулся на увеличенную копию — Лун Сюаня.

— Э-э?

Широко распахнув глаза, Вэнь Юаньсинь в замешательстве уставился на красивое лицо перед собой. Лишь спустя мгновение он запоздало вспомнил, что вчера вечером Лун Сюань говорил о том, что они будут спать вместе.

Он... надеюсь, не сделал с ним ничего неподобающего? Опустив взгляд на руку, лежавшую у него на талии, Вэнь Юаньсинь невольно покраснел, не зная, что и делать.

— Проснулся? — спросил Лун Сюань, прищурив глаза.

— А? Э-э... да, доброе утро. Ты... ты тоже проснулся? Доброе... — Вэнь Юаньсинь, испугавшись внезапного голоса, опустил голову еще ниже. Только ярко-алые уши выдавали его смущение и растерянность, что побудило Лун Сюаня не сдержаться и прикусить одно из них. Вэнь Юаньсинь в шоке позволил ему творить всё, что вздумается: от внешней кромки уха до самой глубины — ни одно место не осталось без внимания. — М-м... не надо... Сюань... — Вэнь Юаньсинь, срываясь на прерывистые вздохи, в смущении хотел прикрыть рот рукой, но его кисти, как оказалось, были давно и надежно зафиксированы этим наглцом. Конец, всё кончено, неужели его невинность будет отобрана прямо сегодня? Да шучу я! Лун Чан ведь спит совсем рядом! Он не хотел, чтобы этот чистый ребенок из-за него оказался втянут в пучину разврата, ведь с характером Лун Сюаня тот, скорее всего, привязал бы Лун Чана рядом и заставил смотреть на любовные утехи, а что еще хуже — мог бы и сам его втянуть. Нет-нет-нет! Чем дальше, тем страшнее! И когда это его воображение стало таким бурным?

— Подними голову, Юань.

Услышав свое имя, он машинально вскинул голову и тут же пожалел об этом.

— М-м... м-м-нн...

Вэнь Юаньсинь нахмурился: как же так, за два дня он подарил уже столько поцелуев, и все — одному и тому же человеку?

Освободив его руки, Лун Сюань нежно погладил его по щеке. Длинные ресницы Лун Сюаня, обрамлявшие его персиковые глаза, всегда невероятно нравились Вэнь Юаньсиню. Даже сейчас, когда Лун Сюань держал глаза закрытыми, Вэнь Юаньсинь знал: в них отражается лишь он один.

Чувство обладать кем-то безраздельно оказалось совсем не таким уж плохим.

Оказывается, вот что значит — поддаться зову сердца.

Вэнь Юаньсинь, обхватив руками шею Лун Сюаня, прищурился, довольный собственными мыслями. Лун Сюань едва заметно изогнул губы в улыбке, чувствуя полное умиротворение.

— М-м... Юань... а-а... — донесшийся сбоку тихий лепет привлек внимание обоих. Они отстранились друг от друга и посмотрели в сторону.

Лун Чжан, который до этого крепко спал, медленно просыпался от производимого ими шума. Увидев, что папа снова целуется с его братом Юанем, малыш недовольно надул губки. Он хотел подать голос, чтобы привлечь их внимание... но, издав звук, замер сам. Он... неужели он только

что позвал его Юань, да еще таким детским голоском?

Увидев это, Вэнь Юаньсинь бесцеремонно оттолкнул своего возлюбленного, в чувствах к которому признался лишь прошлой ночью, и бросился к Лун Чжану:

— Чжан'эр, хороший мой! Чжан'эр, умничка! Повтори еще раз: брат Юань!

— Юань... м-м... гэ... — нахмурившись, Лун Чжан старательно пытался выговорить слово брат, но непослушный язык и горло никак не желали его слушаться.

— Брат, брат. Не торопись, мы никуда не спешим, — Вэнь Юаньсинь испытывал такой восторг, словно это его собственный ребенок начал говорить. И пусть Лун Чжан был ему не родным, какая разница? Ребенок Лун Сюаня — значит, и его тоже!

— Гэ... а-а, м-м... гэ... — продолжал стараться Лун Чжан.

Ах, до чего же он милый...

— Юань, не хочешь продолжить? — Лун Сюань внезапно почувствовал, что его совершенно игнорируют. Это было... очень неприятно.

— Что? Продолжить что? — В глазах Вэнь Юаньсиня читалось лишь искреннее недоумение.

— ...

— Ваше Величество, позвольте войти, я помогу вам одеться, — раздался за дверью звонкий женский голос.

— ...Входи. — Что ж, с этим придется повременить.

Четыре милovidные служанки одна за другой вошли в покои. В руках они держали всё необходимое: таз для умывания, одежды, головные уборы и прочее.

Лун Сюань поднялся с постели, позволив служанкам помочь ему умыться и одеться.

— Эти четыре служанки теперь будут при тебе, — сказал он. — Свыкнись с ними, но смотри, не свыкнись настолько, чтобы затащить их в постель!

— Да кто бы сомневался, ну хватит уже! — Вэнь Юаньсинь показал ему язык и повернулся обратно к Лун Чжану, продолжив учить его говорить.

— Попозже я велю позвать имперского лекаря, чтобы посмотрел, что там с Чжан'эром.

— Хорошо, — кивнул Вэнь Юаньсинь, не переставая возиться с малышом.

Когда приготовления были завершены, Лун Сюань лишь бросил на ходу:

— Ухожу на утренний доклад. Жди меня к полуденной трапезе.

Он ушел, оставив в комнате четырех служанок, большого и маленького.

— Имена? — Вэнь Юаньсинь моргнул, и голос его прозвучал довольно сухо. Еще бы — он только что своими глазами видел, как эти четверо вертелись вокруг его Лун Сюаня, трогали его, поправляли одежду. Разве может у него быть хорошее настроение? Его чаша ревности была переполнена. Мы — четверо сестер, и имена наши связаны с четырьмя искусствами: Цинь, Ци, Шу и Хуа. Я — Юэ Цинь, вторая сестра — Жуй Ци, третья — Луо Шу, а младшую зовут Ин Хуа, — ответила стоявшая во главе девушка в желтом одеянии.

— Понятно... Ступайте, приготовьте нам завтрак.

— Слушаемся.

— Кажется... я вспылал к тебе чувствами.

Вэнь Юаньсинь застыл, пытаясь осознать услышанное, и впал в ступор. Постепенно его щеки залил яркий румянец, и кожа, прежде лишь слегка отдававшая розовым, стала такой алой, словно вот-вот должна была брызнуть кровь.

— Сюань... ты ведь шутишь? Мы оба мужчины... это невозможно...

— Я никогда не шучу. Верно ведь, Чан-эр? — Лун Сюань с лукавой усмешкой повернулся к Лун Чжану, которого держал на руках. Малыш, испугавшись, принялся отчаянно кивать. Получив желаемое подтверждение, Лун Сюань снова обратился к Вэнь Юаньсиню: — Видишь, братец Юань?

— ... — Вэнь Юаньсинь нахмурился. Глядя на эту парочку — большую и маленькую, — он с досадой подумал, что, должно быть, в прошлой жизни молился недостаточно усердно, раз его переродило именно здесь.

Пока они стояли в нерешительности, в комнату внесли горячую воду.

— ...Отдай мне Чан-эра, я отведу его помыться.

— Ты еще не поцеловал меня. — Лун Сюань, даже не назвавшись титулом, склонился к Вэнь Юаньсиню.

— Ты еще не назвал меня по имени, — Вэнь Юаньсинь одарил его сердитым взглядом.

— ... — Оба снова замолчали.

— У-а! — Лун Чжан протянул маленькие ручки в сторону Вэнь Юаньсиня.

Лун Сюань нахмурил соболиные брови. Он совершенно не умел обращаться с детьми — по сути, это был первый раз, когда он оказался так близок с Лун Чжаном.

— Эх! — Вэнь Юаньсинь тяжело вздохнул и первым нарушил тишину: — Если ты объяснишь мне, почему привязался ко мне, и назовешь мое имя, я тебя поцелую.

Лун Сюань расправил нахмуренные брови и воскликнул: — Проще простого! Разве это не Вэнь Юаньсинь? Вэнь Юаньсинь, Вэнь Юаньсинь! Хоть сотню раз назову, если хочешь!

— ...А можно... звать меня просто Юань? — Вэнь Юаньсинь невзначай потянул за край рукава Лун Сюаня, в его голосе сквозила просьба.

От такой мягкой и сладкой интонации Лун Сюаню стало невероятно приятно.

— Можно, Юань.

— Причина?

— Не знаю. Раз чувства возникли, значит, они есть, тут нет иной причины.

И ведь ни капли сомнения или нерешительности...

Вэнь Юаньсинь бросил на него взгляд, чувствуя еще большую досаду. Он не ненавидел этого человека — напротив, очень даже любил. Любил его голос, его лицо, любил его внешнюю властность и стойкость, скрытую за ними внутреннюю нежность и застенчивость. Но в то же время боялся, что тот однажды окажется слишком далеко.

Одним словом — беда.

Кто бы мог подумать, что в одночасье в его сердце зародится столько чувств.

Значит, они оба испытывают влечение к мужчинам? За те шестнадцать лет, что он прожил прежде, он этого даже не замечал. Впрочем, быть может, дело лишь в том, что... это именно Лун Сюань, вот он и полюбил?

— Раз все сказано, может, поцелуешь? Или... мне самому проявить инициативу?

— Д-да понял я! — Вэнь Юаньсинь смущенно взглянул на Лун Сюаня. Впервые осознав свои чувства, он оказался перед лицом необходимости целоваться... Он был уверен, что в прошлой жизни точно, определенно не заслужил благословения богов, иначе почему теперь ему хочется плакать от безысходности!

Он вытянул губы трубочкой и поднялся на ноги. Глядя, как Лун Сюань медленно приближается — расстояние в полшага казалось непреодолимой пропастью...

Лун Сюань нетерпеливо топнул ногой, поставил Лун Чжана на пол и, притянув к себе ошеломленного Вэнь Юаньсиня, впился в его приоткрытые губы.

— М-м... — из горла Вэнь Юаньсиня вырвался тихий стон.

Язык Лун Сюаня сначала обвел контур губ Вэнь Юаньсиня, а затем, воспользовавшись моментом, проскользнул между зубами и жадно сплелся с его языком, втягивая сладость.

Глядя на затуманенные, бессильные фиалковые глаза Вэнь Юаньсиня, Лун Сюань почувствовал, как внизу живота все сжалось. Вот черт! У него возникло возбуждение.

— У-у... — Вэнь Юаньсинь нахмурился. Он был новичком в поцелуях и совершенно не знал, как дышать, а его лицо стало пунцовым от прилива крови.

Его руки, которые прежде не знали, куда деться, сами собой обвились вокруг шеи Лун Сюаня, и комнату наполнили смущающие звуки поцелуя.

Лун Чжан, стоявший рядом, застыл в изумлении. Его отец и этот добрый братец Юань... целуются? Будучи ребенком, он не понимал, что происходит, лишь знал, что мама тоже так его целовала, но это было лишь легкое касание губ.

Когда они наконец отстранились, губы Вэнь Юаньсиня распухли, а глаза блестели от выступившей влаги.

— ...Фух, давно я не пробовал чего-то столь сладкого! — Лун Сюань облизнул губы и жадно улыбнулся, словно ему было мало.

Заметив, что он готов повторить, Вэнь Юаньсинь поспешно отступил на три шага, подхватил на

руки Лун Чжана и, покраснев, выпалил: — Если продолжим, вода остынет! Я... я пойду помою Чан-эра, а одежду... попроси кого-нибудь принести нам!

Не успел он договорить последнее слово, как скрылся из виду. Лун Сюань с усмешкой вздохнул: как же его угораздило влюбиться в такого робкого человека?

Он взял два чистых белых халата из шкафа и оглядел пустую залу. Дворец казался слишком пустым: весь последний месяц здесь прибиралась Ин Юнь, но теперь, когда она была брошена в темницу, в Зале Поверженного Дракона не осталось прислуги.

— ...Все же стоит вызвать Цинь, Ци, Шу и Хуа. — Лун Сюань опустил веки и, облокотившись на стол, притворился спящим.

Вэнь Юаньсинь, спрятавшись за ширмой, тяжело дышал, а его сердце бешено колотилось. Он погладил губы, которые только что были в глубоком поцелуе, и вдруг осознал, что ему вовсе не хотелось уходить. Неужели это и есть то самое чувство — поцелуй?

Сладость. Она ощущалась где-то глубоко в груди, даже на языке остался медовый привкус...

Волнение, ожидание того, что Лун Сюань сделает еще что-то, еще раз поцелует...

Во рту все еще чувствовалась сладость, оставшаяся от Лун Сюаня. Вэнь Юаньсинь зарделся и отогнал мысли прочь. Он принялся снимать верхнюю одежду с Лун Чжана и его маленькие грязные вещички.

— Ох, я все еще не очень умею это делать...

Глядя на узлы, которые почему-то затянулись сильнее, чем нужно, Вэнь Юаньсинь поймал себя на желании взять ножницы и просто их разрезать, но в комнате, кажется, не было ничего подобного.

Вуалью озадаченности укрыв лицо, Вэнь Юаньсинь остановил руку, и Лун Чжан проследил за его взглядом, переведя взор на пояс.

— Прости, я всё ещё плохо умею его развязывать, — виновато улыбнувшись, Вэнь Юаньсинь спросил: — Сможешь сам справиться?

Лун Чжан кивнул и послушно принялся воевать со злосчастным узлом, а Вэнь Юаньсинь тоже опустил голову и усердно занялся своими делами.

— Что такое? Одеться не получается? — передохнув немного, Лун Чжан взял нижнюю сорочку и, обойдя ширму, приблизился, но стоило ему поднять голову, как он увидел, что двое — большой и маленький — ожесточенно сражаются с его одеждой.

— Ох, но почему здешней одежды надирается столько слоев?

— Ничего не поделаешь, Государство Синшуан лежит на севере, да еще и у моря, климат тут холодный и сырой, если не кутаться, можно насмерть замерзнуть. Ты правда не знал? — Лун Чжан обнял Вэнь Юаньсиня за талию, помогая ему сбросить многослойные путанные завязки верхнего халата. Его глаза то и дело норовили скользнуть по нежной белизне тонкой шеи, что едва проглядывала сквозь рассыпавшиеся пряди.

Надув губы, Вэнь Юаньсинь в душе решил, что этот тип и впрямь невыносим!

— Сюань, неужели ты мне до сих пор не веришь? Я же русским языком сказал: я не из этого мира!

— ...Разве не слишком с твоей стороны требовать, чтобы Ван поверил в подобную сказку?

— Сказка это или нет, перебор или нет, я не знаю... Я знаю лишь то, что это чистая правда! К тому же... я понятия не имею, как заставить тебя поверить... — Опустив голову, Вэнь Юаньсинь обхватил тонкими пальцами большую крепкую руку, которая вроде бы помогала ему раздеваться, а на деле лишь лапала, и дрожащим голосом спросил: — Ты говоришь, что воспылал ко мне страстью. Скажи, это чувство обращено к телу Мо Юаня или к душе Вэнь Юаньсиня?

Лун Чжан не спешил высвобождать руку, позволяя ему держать себя. Его крепкое тело прижалось к тощей спине, и прежний порыв, кажется, лишь разгорелся с новой силой.

— Юань, если бы Ван прельстился лишь этим телом, то в самый первый миг, увидев Мо Юаня, приказал бы оставить его при себе, силой взял бы в постель и сделал своим наложником... То, к чему пробудилась страсть Вана — вне всяких сомнений, ты... сама суть Вэнь Юаньсиня, понимаешь? Только Вэнь Юаньсинь... достоин этого бесподобного тела.

Услышав такое, Вэнь Юаньсинь смутился настолько, что лишился дар речи, и оставалось лишь пялиться на Лун Чжана, который прямо перед ними сосредоточенно кряхтел над поясом.

— Что? Онемел? — со смешком притянув Вэнь Юаньсиня к себе в крепких объятиях, Лун Чжан ласково зашептал ему на ухо.

— Ох... щекотно, прекрати, нам с Чжань-эр еще купаться, ступай вон...

— Какое совпадение, Ван ведь тоже еще не мылся! — с этими словами Лун Чжан уже принялся сбрасывать верхнюю одежду.

— ...Сюань, деревянная бадья точно не вместит нас троих... — Вэнь Юаньсинь одарил Лун Чжана выразительным взглядом. Если память ему не изменяла, у Лун Чжана вообще-то имелась собственная купальня?

— Тогда давай выставим Чжань-эр... — вон из комнаты... Не успел он договорить, как речь Лун Чжана прервал донесшийся снаружи шум.

— Ваше Величество, срочное дело... — В голосе Жань Цзэна сквозило беспокойство. Лун Чжан недовольно цыкнул, но прекрасно понимал, что Жань Цзэн ни за что не стал бы тревожить его по пустякам в часы отдыха.

— Ван сейчас выйдет, жди в передней! — Набросив обратно верхнее платье, которое успел расстегнуть наполовину, он с сожалением посмотрел на Вэнь Юаньсиня, который уже незаметно ускользнул с Лун Чжаном в банную кадю, и бросил: — Придется отложить на другой

раз, но ночевать Ван сегодня будет здесь, а ты, Чжань-эр, сам соображай, что к чему.

— ...Кровать большая, вдвоем поместимся... наверное? — передернув плечами, с обреченным вздохом ответил Вэнь Юаньсинь.

— ...Как знаешь, но рядом со мной должен быть только он.

Смысл читался между строк предельно ясно: по бокам от Лун Чжана мог лежать исключительно Вэнь Юаньсинь.

Тот кивнул. Да и ладно, всё равно, сколько ни упирайся, в конце концов тот измором заставит сдаться, проще уж сразу уступить и не тратить лишние нервные клетки.

Удовлетворенно заметив согласие, Лун Чжан быстрыми шагами обошел ширму, направляясь к Жань Цзэну, который застыл в оцепенении, впервые услышав столь нежный тон своего господина.

Шутки шути! Во всем дворце разве нашелся бы хоть один человек, не знающий, что этот Великий Ван со всеми держится холодно и властно? С чего бы ему вдруг разговаривать так мягко, как только что?

— Что стряслось? — раздался с хозяйского места холодный голос — судя по всему, расхотеть этот ласковый тон на кого-то еще его Величество явно не собирался.

— Ваш слуга смеет нарушить Ваш покой в час отдыха, ибо дело касается... брата консорта Лин, великого генерала Павильона Цянь У. — Согнувшись в три погибели, отчетливо чеканя каждое слово, доложил Жань Цзэн.

— Павильон Цянь У? Что с ним?

— Судя по донесениям Хай Цзуна, внедренного Вашем Величеством в резиденцию генерала, генерал Цянь тайком набирает войска и замышляет мятеж, а схваченная ранее в темнице служанка Ин Юнь под пытками созналась, что за всем стоит консорт Лин.

—

Неужели ему стало известно об убийстве семьи Мо? Нет, невозможно... Будь оно так, поднялся бы шум.

Лун Чжан прищурился. Впрочем, даже если правда раскрылась, беды в этом нет — сейчас у него в заложниках остается Юань, и если потребует, его можно будет отлично разыграть. Кто же не знает, как близко дружили семейства Цянь и Мо? Стоит Юаню обмолвиться словечком, и Павильон Цянь У потеряет бдительность, но... зачем консорту Лин понадобилось травить Юаня? Неужели она решила избавиться от него руками Лун Чжана? Или она просто бесится из-за того, что Юань пользуется его милостью? Впрочем, в последнее время он к ней даже не заглядывал, так что подобных недоразумений возникнуть не должно было, хотя как раз сегодня он и собирался уделить любимцу должное внимание.

...Что поделать, женское сердце — и впрямь темный лес.

— ...Передай Хай Цзуну тайный приказ: едва Павильон Цянь У шевельнется, немедленно докладывать.

— Слушаюсь. А как поступить с консортом Лин?

— Сидеть тихо и не высовываться. Ван хочет посмотреть, что именно она затеяла, наверняка в ближайшие дни перейдет к действиям. — Лун Чжан отпил остывшего чая, который перед тем налил Вэнь Юаньсинь, и добавил: — Завтра позови Цинь, Ци, Шу и Хуа, пусть переоденутся служанками и охраняют Мо Юаня.

— Слушаюсь. Тогда этот ничтожный удаляется, желаю Вашему Величеству хорошего отдыха.

Жань Цзэн вновь глубоко согнулся в поклоне, пятясь к выходу, аккуратно затворил за собой дверь и исчез.

Проводив его взглядом, Лун Чжан поднялся на ноги и направился во внутренние покои. — Фух... хмм... — из постели доносилось тихое, размеренное дыхание. Двое, большой и маленький, тесно прижавшись друг к другу, спали в обнимку. Удивительно! Разве они не познакомились только сегодня? Как же вышло, что они кажутся более близкими, чем он сам?

Беспомощно вздохнув, Лун Сюань умылся холодной водой, оставшейся после них. До чего докатился государь, если вынужден пользоваться чужой водой для купания? Поистине позор.

Облачившись в тонкую нижнюю одежду и сидя на краю постели с еще влажными волосами, он смотрел на тонкие черты лица Вэнь Юаньсинь и на... крошечную струйку слюны, предательски сбегавшую из уголка её рта.

— ...Разве это не слишком мило? — Лун Сюань тихо рассмеялся и подушечкой пальца нежно стер каплю, портящую вид.

— М-м... — Вэнь Юаньсинь нахмурилась, с явным удовольствием потерлась щекой о теплую ладонь и, удовлетворенная, прижалась к ней снова, продолжая спать.

Этот жест привел его в восторг, но в то же время доставил немало хлопот. Как теперь уснуть? Он не хотел стоять здесь столбом всю ночь, но и разрушать эту очаровательную картину не желал. Однако завтра рано утром аудиенция, нельзя же появиться перед всеми с кругами под глазами и стать посмешищем? Осторожно высвободив руку, Лун Сюань быстро нырнул под тяжелое шелковое одеяло, заменив свою ладонь всем телом, чтобы насладиться теплом Вэнь Юаньсинь. Его сильная рука, словно гибкая змея, обвила тонкую талию, а губы довольно изогнулись, подобно коту, укравшему сливки.

В эту ночь двое взрослых и один ребенок, вытянувшись в странную линию, напоминающую иероглиф «река», мирно погрузились в сновидения.

На следующее утро Вэнь Юаньсинь, не выдержав тяжести на своей талии, поморгала и проснулась. Она ожидала увидеть милое сонное личико Лун Чжана, но вместо этого перед её глазами предстало увеличенное во много раз лицо Лун Сюаня.

— ...Э?

Широко открыв глаза, Вэнь Юаньсинь в изумлении уставилась на красивое лицо прямо перед собой. С запозданием она вспомнила, что вчера вечером Лун Сюань говорил, что они будут спать вместе.

Он... не сделал с ней ничего неподобающего, правда? Опустив взгляд на руку, покоящуюся на её поясе, Вэнь Юаньсинь невольно залилась краской, не зная, что и думать.

— Проснулась? — прищурившись, спросил Лун Сюань.

— А? О... м-м, доброе утро. Ты... ты тоже проснулся? Доброе утро... — Вэнь Юаньсинь вздрогнула от его внезапного голоса и опустила голову еще ниже, выставив напоказ лишь пылающие красные уши, выдававшие её смущение и растерянность. Лун Сюань не смог сдержаться и прикусил мочку уха. Вэнь Юаньсинь в оцепенении позволила ему творить всё, что вздумается; он не пропустил ни одного участка, от края ушной раковины до самой глубины. — М-м... не надо... Сюань... — задыхаясь от смущения, она попыталась прикрыть рот рукой, но, к несчастью, обе её руки уже были надёжно перехвачены этим великим развратником. Погибла, всё погибло! Как бы сегодня не лишиться целомудрия! Шутки в сторону! Ведь Лун Чжан всё еще спит рядом! Она вовсе не хотела, чтобы невинный ребенок оказался свергнут в ад порока из-за них. Судя по характеру Лун Сюаня, он вполне мог привязать Лун Чжана рядом, чтобы тот смотрел их любовные утехы, а что еще страшнее — вдруг Лун Чжан и сам решит принять в этом участие? Нет, нет, нет! Чем больше она думала об этом, тем страшнее становилось! С каких это пор у неё стало такое богатое воображение?

— Подними голову, Юань.

Услышав свое имя, она по привычке подняла голову и тут же об этом пожалела.— Мм... Мм-м...

Вэнь Юаньсинь нахмурился: как так вышло, что за последние два дня он раздал уже несколько поцелуев, и притом одному и тому же человеку?

Отпустив его руку, Лун Сюань нежно коснулся ладонью его щеки.

Длинные ресницы Лун Сюаня обрамляли его персиковые глаза, вызывая у Вэнь Юаньсиня сильнейшую симпатию. Хотя сейчас эти персиковые глаза были закрыты, он точно знал: в эту минуту в глазах Лун Сюаня отражается только он один.

Ощущение, что ты — единственный во всем мире для этого человека, казалось ему совсем неплохим.

Вот оно что, значит, трепет в груди — это именно так.

Обхватив Лун Сюаня за шею, Вэнь Юаньсинь от собственных мыслей радостно прищурил глаза. Лун Сюань слегка изогнул губы в улыбке, переполненный глубоким удовлетворением.

— Мм... Юань... Ах... — тихий, обрывистый голосок неподалеку привлек внимание двоих, заставив их отстраниться друг от друга и посмотреть в сторону.

Лун Чжан, который до этого еще спал, постепенно проснулся от движения рядом. Увидев, что его папа снова целуется с его братцем Юанем, он недовольно надул губки и попытался подать

голос, чтобы привлечь к себе внимание... но никак не ожидал, что, издав звук, сам же застынет в изумлении. Он... он что, только что назвал Юаня детским, сопливым голоском?

Заметив это, Вэнь Юаньсинь без всяких церемоний оттолкнул человека, чьи чувства он признал только минувшей ночью, и стремглав бросился к Лун Чжану:

— Чжан-эр, умница! Чжан-эр, хороший! Позови брата Юаня еще раз!

— Юань... Мм... Ге... — нахмурившись, Лун Чжан изо всех сил пытался выговорить слово братец, но язык и горло совершенно не слушались его команд.

— Бра-тец, не спеши, мы не торопимся. — Вэнь Юаньсинь испытал такую радость, будто заговорил его собственный ребенок. И пусть Лун Чжан не был его кровным сыном, он считал, что это не имеет ни малейшего значения! Ребенок Лун Сюаня — это и его ребенок тоже!

— Ге... Ах, мм... Ге... — Лун Чжан продолжил свои старания.

Ах-ах, до чего же он милый...

— Юань, мы что, не продолжим? — Лун Сюань внезапно почувствовал себя так, словно его нагло и беспощадно игнорируют. Какое же... паршивое чувство.

— Что? Продолжим что? — но во взгляде Вэнь Юаньсиня Лун Сюань не увидел ничего, кроме искреннего недоумения.

—

— Ваше Величество, служанки пришли помочь вам с переодеванием, — раздался за дверью чистый девичий голос.

— ...Входите, — ладно уж, с этим придется разбираться постепенно.

Четыре миловидные, приятные с лица служанки одна за другой вошли в покои, каждая держала в руках разные вещи: таз для умывания, одежды, головной убор и прочее.

Лун Сюань поднялся с постели, позволяя четверем служанкам умыть его и переодеть, а напоследок бросил:

— Эти четыре служанки теперь твои, сам с ними осваивайся, только смотри мне — до постели с ними не доходи!

— Стал бы я, подумаешь! — показав язык, Вэнь Юаньсинь отвернулся и продолжил учить Лун Чжана разговаривать.

— Позже я велю императорскому лекарю осмотреть Чжан-эр и выяснить, что с ним такое.

— Угу, — кивнув, он продолжил занятия.

Завершив все сборы, Лун Сюань бросил лишь:

— Я на утренний совет, жди меня к обеду, — и ушел, оставив в комнате четырех служанок да одного взрослого с ребенком. — Имя? — Вэнь Юаньсинь прищурился, и в его голосе прозвучало явное недовольство. Еще бы — только что он своими глазами видел, как четыре женщины лапали и облапывали его Лун Сюаня, так что настроение было хуже некуда. Говоря проще, в

нем вскипела ревность.

— Мы, четыре сестры, зовемся Цинь, Ци, Шу и Хуа. Я — Юэ Цинь, вторая сестра — Жуй Ци, третья — Луо Шу, а младшую зовут Ин Хуа, — ответила старшая из девушек в желтом одеянии.

— ...Хорошо. Ступайте и приготовьте нам завтрак.

— Слушаемся.

— Кажется... я воспылал к тебе чувствами.

Вэнь Юаньсинь застыл, пытаясь осознать услышанное. Он был ошарашен. Постепенно его щеки залил яркий румянец, и без того нежная кожа стала такой алой, словно вот-вот должна была хлынуть кровь.

— Сюань... Ты ведь шутишь, правда? Мы оба мужчины... так нельзя...

— Я никогда не шучу. Верно ведь, Чжан-эр? — Лун Сюань с лукавой усмешкой повернулся к Лун Чжану, которого держал в руках. Малыш, испугавшись, принялся яростно кивать. Добившись желаемого, Лун Сюань снова обратился к Вэнь Юаньсиню: — Видишь? Брат Юань, что скажешь?

Вэнь Юаньсинь нахмурился, беспомощно глядя на эту парочку, большую и маленькую. Он вдруг подумал, что, должно быть, в прошлой жизни совершил мало добрых дел, раз уж переродился в этом месте.

Пока они стояли так, в комнату внесли горячую воду.

— ...Отдай мне Чжана, я отведу его помыться.

— Ты еще не поцеловал меня. — Лун Сюань склонил голову и, даже не назвавшись «этим королем», подошел ближе к Вэнь Юаньсиню.

— Ты еще не назвал меня по имени, — Вэнь Юаньсинь одарил его сердитым взглядом.

Мужчины снова замолчали.

— У-а! — Лун Чжан протянул маленькую ручку в сторону Вэнь Юаньсиня.

Лун Сюань нахмурил брови: он совершенно не умел держать детей. Можно сказать, впервые он оказался так близко к Лун Чжану.

— Эх! — вздохнул Вэнь Юаньсинь и первым нарушил тишину: — Если ты скажешь, почему вспылал ко мне чувствами, и назовешь мое имя, я поцелую тебя.

Лун Сюань тотчас разгладил нахмуренные брови и громко воскликнул: — Проще простого! Разве я не называл тебя Вэнь Юаньсинь? Вэнь Юаньсинь, Вэнь Юаньсинь! Могу называть хоть сколько раз!

— ...Тогда, можно... называть меня просто Юань? — Вэнь Юаньсинь небрежно потянул за край рукава Лун Сюаня и спросил с надеждой в голосе.

Этот сладкий, нежный тон доставил Лун Сюаню невероятное удовольствие.

— Хорошо, Юань.

— А причина?

— Не знаю. Раз чувства появились, значит, появились — иных причин нет.

Действительно, ни капли лишнего...

Вэнь Юаньсинь бросил на Лун Сюаня взгляд, чувствуя еще большую беспомощность. Он не ненавидел этого человека — наоборот, он ему очень нравился. Ему нравился его голос, его лицо, его внешняя властность и твердость, его скрытая нежность и застенчивость. Но он боялся, что тот однажды окажется слишком далеко.

Одним словом — беда. Он и сам не заметил, как в его сердце скопилось столько симпатии.

Так что, выходит, они оба — гомосексуалы? За шестнадцать лет своей прежней жизни он этого не осознавал. Впрочем, возможно, всё дело в том, что... именно потому, что это Лун Сюань, он ему и нравится?

— Ну, всё сказано. Теперь можно поцеловать? Или... мне самому проявить инициативу?

— З-знаю я! — смущенно взглянув на Лун Сюаня, Вэнь Юаньсинь, впервые осознавший свои чувства, столкнулся с необходимостью целоваться. Он был искренне уверен, что в прошлой жизни совершил не так уж много добрых дел — сейчас ему хотелось плакать, но слез не было.

Сложив губы бантиком, он поднялся и посмотрел на приближающегося Лун Сюаня. Расстояние составляло меньше полушага, но казалось, что до него бесконечность.

Лун Сюань, нетерпеливо притопнув ногой, опустил Лун Чжана на пол и, притянув к себе

ошеломленного Вэнь Юаньсиня, впился в его слегка приоткрытые губы.

— М-м... — тонкий стон вырвался из уст Вэнь Юаньсиня.

Язык Лун Сюаня сначала обвел контур губ Вэнь Юаньсиня, а затем, ловко раздвинув зубы, жадно сплелся с его языком, втягивая сладость.

Глядя в фиалковые глаза Вэнь Юаньсиня, помутившиеся от поцелуя, Лун Сюань почувствовал, как внизу живота всё сжалось. Вот беда! У него возникло желание.

— У-у... — Вэнь Юаньсинь хмурился. Он никогда раньше не целовался и совершенно не знал, как дышать, а его миловидное лицо вспыхнуло ярким пламенем. Его руки, не зная, куда деться, сами обвили вокруг шеи Лун Сюаня, и в комнате то и дело раздавались неловкие чмокающие звуки.

Лун Чжан, стоявший рядом, застыл. Его отец и этот добрый брат Юань, которого он едва знал, сейчас... целовались? Будучи ребенком, он совершенно не понимал, что происходит. Он помнил лишь, что мама когда-то целовала его так же, но то был лишь легкий, едва ощутимый поцелуй.

Когда они наконец отстранились, губы Вэнь Юаньсиня были припухшими, а глаза подернулись влажной дымкой.

— ...Фух, давненько я не пробовал чего-то столь сладкого! — Лун Сюань облизнул губы, улыбаясь с жадностью — казалось, ему было мало.

Заметив, что он готов повторить, Вэнь Юаньсинь поспешно отступил на три шага, подхватил Лун Чжана и, покраснев, выпалил: — Если продолжим, вода остынет! Я... я пойду искупаю Чжана! А одежду... пусть кто-нибудь нам принесет!

Не успел он договорить последнее слово, как скрылся из виду. Лун Сюань с улыбкой вздохнул. Как его угораздило влюбиться в такого стеснительного человека?

Он вытащил из шкафа две белоснежные рубахи. В огромном дворце было пусто, даже слишком. Еще месяц назад здесь прибиралась Ин Юнь, но теперь она была заперта в темнице, и в Зале Поверженного Дракона не осталось ни единого слуги.

— ...Все-таки надо вызвать Цинь, Ци, Шу и Хуа. — Лун Сюань опустил веки и, опершись на стол, притворился спящим.

Скрывшись за ширмой, Вэнь Юаньсинь чувствовал, как бешено колотится его сердце. Он касался губ, которые только что подверглись глубокому поцелую, и с удивлением осознавал, что ему не хочется уходить. Так вот каково это — целоваться?

Сладость. Это была сладость, проникающая в самое сердце, даже на языке остался медовый привкус...

Волнение, предвкушение того, что он сделает еще больше, поцелует еще раз...

Во рту все еще чувствовалась капля меда, переданная Лун Сюанем. Вэнь Юаньсинь залился краской и отогнал мысли прочь. Он принялся снимать верхнюю одежду с Лун Чжана и расстегивать его испачканные вещи.

— Эх, никак не могу привыкнуть раздевать его...

Глядя на узлы на поясе, которые непонятно почему затянулись еще туже, Вэнь Юаньсинь порывался достать ножницы и разрезать его, но в этой комнате, кажется, не было ничего подобного.

Лун Чжан с недоумением наблюдал за тем, как Вэнь Юаньсинь замер, и тоже уставился на пояс.

— Прости, никак не разберусь, — виновато улыбнулся он и спросил: — Сможешь сам развязать?

Лун Чжан кивнул и послушно начал сражаться со своим поясом, а Вэнь Юаньсинь опустил голову и принялся старательно возиться со своей одеждой.

— Ну что, не получается раздеться? — отдохнув, Лун Сюань вошел за ширму, неся рубахи, и увидел, как двое — большой и маленький — ведут вой с собственной одеждой.

— Ну, здесь одежды наворочено слишком много!

— А как иначе? Государство Синшуан находится на севере, у самого моря, климат здесь холодный и влажный. Не наденешь побольше — замерзнешь насмерть. Ты правда не знал? — Лун Сюань обхватил Вэнь Юаньсиня за талию, помогая распутать сложный многослойный пояс. Его глаза то и дело останавливались на тонкой белой шее, проглядывающей сквозь распущенные волосы.

Надувшись, Вэнь Юаньсинь подумал, что Лун Сюань ужасно назойлив!

— Сюань, ты всё-таки мне не веришь? Я же ясно сказал: я не из этого мира!

— ...Разве не слишком требовательно ожидать, что я поверю в такие небылицы?

— Небылицы это или нет, не знаю... Знаю только, что это правда! И... я не знаю, как заставить тебя поверить... — Он опустил голову, и его длинные пальцы сжали большую ладонь, которая делала вид, что помогает раздеваться, а на самом деле лапала его. Дрожащим голосом Вэнь Юаньсинь спросил: — Ты сказал, что воспылал ко мне чувствами. Не знаешь, к этому ли телу Мо Юаня, или к душе Вэнь Юаньсиня?

Лун Сюань не спешил убирать руку — напротив, позволил ему себя сжать. Его крепкое тело прижалось к стройной спине, и прежнее желание разгорелось с новой силой.

— Юань, если бы мне нравилось только тело, я бы еще при первой встрече с Мо Юанем приказал оставить его у себя, силой взял бы и сделал своим наложником... То, что заставило меня влюбиться, — это, несомненно, ты. Сама суть Вэнь Юаньсиня. Понимаешь? Только Вэнь Юаньсинь... достоин этого прекрасного тела.

Услышав это, Вэнь Юаньсинь смутился настолько, что лишился дара речи, и уставился на Лун Чжана, который всё еще возился с поясом.

— Ну что? Сказать нечего? — Лун Сюань с улыбкой крепче обнял его и прошептал прямо в ухо.

— М-м... щекотно, не надо так. Чжан-эр и я собираемся мыться, выйди...

— Какое совпадение, я тоже еще не мылся! — говоря это, Лун Сюань уже начал снимать верхнее одеяние.

— ...Сюань, в бочке нам троим места не хватит... — Вэнь Юаньсинь окинул его скептическим взглядом. Если память ему не изменяет, у Лун Сюаня должна быть собственная купальня?

— Тогда выставим Чжана... — прежде чем он успел закончить, их прервал голос снаружи.

— Ваше Величество, дело срочное... — В голосе Жань Цзэна слышалась тревога. Лун Сюань недовольно цыкнул, но знал: Жань Цзэн никогда не стал бы отвлекать его во время отдыха по пустякам.

— Сейчас выйду, жди во внешнем зале! — Он накинул обратно недоснятую одежду и с сожалением сказал Вэнь Юаньсиню, который уже успел вместе с Лун Чжаном залезть в бочку: — Придется отложить на потом. Сегодня я ночью здесь, а с Чжаном разбирайся сам.

— ...Кровать большая, трое поместятся... наверное? — Вэнь Юаньсинь дернул уголок губ и беспомощно ответил.

— ...Как хочешь, но рядом со мной должен быть не он.

Подразумевалось, что рядом с Лун Сюанем непременно должен лежать Вэнь Юаньсинь.

Тот кивнул. Да и ладно. Все равно, сколько ни спорь, в итоге он сдастся, потому что это слишком утомительно, а так хоть нервных клеток сохранится больше.

Увидев, что его условие приняли, Лун Сюань быстрым шагом вышел из-за ширмы, чтобы встретиться с Жань Цзэном, который застыл, впервые услышав «нежный» тон своего повелителя.

Шутка ли! Кто во дворце не знал, что их правитель со всеми холоден и властен? Когда еще он говорил так тихо и мягко?

— Что стряслось? — раздался холодный голос с главного места. Видимо, их государь явно не желал использовать тот нежный тон с кем-то другим.

— Прошу прощения за дерзость, что потревожил вас в час отдыха. Дело касается... брата консорта Лин, великого генерала Павильона Цянь У. — Жань Цзэн согнулся в поклоне и четко проговорил каждое слово.

— Павильон Цянь У? Что с ним?

— Согласно донесениям Хай Цзуна, нашего тайного агента в резиденции генерала, генерал, похоже, втайне собирает войска. Это предвестник мятежа. А служанка Ин Хуа, которую мы держим в темнице, под пытками призналась, что за всем стоит консорт Лин.

— ...

Неужели они прознали, что он приказал уничтожить семью Мо? Нет, невозможно... если бы это было так, поползли бы слухи.

Лун Сюань прищурился. Впрочем, даже если они узнали — не беда. У него в руках Юань, и если понадобится, его можно будет использовать. Кто же не знает, что у клана Цянь и клана Мо были теснейшие отношения? Одно слово Юаня — и в Павильоне Цянь У поверят во что угодно. Но... консорт Лин хотела отравить Юаня? Неужели она хочет, чтобы Лун Сюань потерял его? Или она просто не может смириться с тем, что Юань пользуется его благосклонностью? Но в последнее время он к ней не заглядывал, так что подобных недоразумений быть не должно, хотя сегодня он решил начать уделять Юаню всё свое внимание.

...Увы, женское сердце — воистину иголка на дне морском.

— ...Передай тайный приказ Хай Цзуну: как только в Павильоне Цянь У зашевелятся, немедленно доложить.

— Слушаюсь. А как быть с консорт Лин?..

— Ждать. Мне самому интересно, что она задумала. Скорее всего, в ближайшие дни она предпримет шаги. — Лун Сюань отпил холодного чая, который налил ему Вэнь Юаньсинь, и добавил: — Завтра пришлите Цинь, Ци, Шу и Хуа. Пусть переоденутся служанками и охраняют Мо Юаня.

— Есть, тогда я пока удалюсь, а Ваше Величество пусть хорошенько отдохнет.

Жань Цзэн снова глубоко поклонился, вышел за дверь и, аккуратно прикрыв ее за собой, удалился.

Проводив Жань Цзэна взглядом, Лун Сюань поднялся и направился во внутренние покои.

— Фу... м-м... — с кровати доносилось легкое ровное дыхание. Большая и маленькая фигурки донельзя тесно обнимали друг друга. Странно! Разве они не познакомились только сегодня? Как получилось, что они выглядят ближе, чем он сам?

Смирившись, он ополоснулся прохладной водой, которую те двое только что использовали. Докатиться до того, чтобы королю приходилось мыться чужой водой — это поистине потерять всякое лицо.

Облаченный лишь в нижнюю сорочку, с влажными волосами, он присел на край кровати, глядя на утонченное лицо Вэнь Юаньсиня и... капельку слюны, сорвавшуюся с его уголка рта.

— ...Разве это не чересчур мило? — Лун Сюань тихонько усмехнулся и подушечкой пальца нежно стер неэстетичный след слюны.

— М-м... — Вэнь Юаньсинь нахмурился, с некоторым наслаждением потеревшись щекой о теплую большую ладонь, и вновь удовлетворенно прижался к ней, продолжая спать.

Этот жест позабавил его, но стал испытанием для самого Лун Сюаня.

Как теперь спать? Он вовсе не собирался всю ночь простоять вот так столбом, но и портить эту милую картину не хотелось. К тому же завтра предстояло раннее утреннее заседание — нельзя же явиться туда с синяками под глазами на посмеище? Осторожно вытянув свою руку, Лун Сюань быстро откинул толстое шелковое одеяло и вместо собственной руки позволил Вэнь Юаньсиню наслаждаться его теплом: его большая рука змейкой обвила тонкую талию, а губы удовлетворенно изогнулись, как у кота, укравшего сметану.

Этой ночью двое взрослых и один ребенок, образовав забавную фигуру в виде иероглифа «чуань»*, мирно погрузились в свои сны.

На следующий из-за тяжести на талии Вэнь Юаньсинь почувствовал себя неуютно и, моргнув пару раз, проснулся. Он рассчитывал увидеть милое спящее личико Лун Чжана, но вместо этого перед его глазами предстало лицо Лун Сюаня во весь рост.

— ...Э?

Широко распахнув глаза, Вэнь Юаньсинь в растерянности уставился на красивое лицо перед собой, с запозданием припомнив, что Лун Сюань вчера говорил о том, что они лягут спать вместе.

Он... ведь не сделал с ним ничего лишнего, верно? Опустив взгляд на руку, обнимавшую его за талию, Вэнь Юаньсинь невольно густо покраснел, совершенно не представляя, что делать.

— Проснулся? — прищурившись, спросил Лун Сюань.

— А? Э... угу, доброе утро. Т-ты тоже проснулся? Доброе утро... — Испугавшись неожиданного голоса Лун Сюаня, Вэнь Юаньсинь опустил голову еще ниже, так что виднелись лишь покрасневшие уши, выдававшие его смущение и растерянность. Это побудило Лун Сюаня к действию: он с непреодолимым желанием прихватил зубами мочку его уха, а Вэнь Юаньсинь в растерянности позволил ему творить все, что вздумается. От внешнего края ушной раковины до самого слухового прохода — Лун Сюань не упустил ни единого сантиметра. — М-м... не надо... Сюань... — изнывая от сладостных вздохов, Вэнь Юаньсинь в смущении попытался закрыть рот руками, но, к несчастью, его запястья давным-давно оказались намертво зажаты этим бессовестным волком. Пропало, всё пропало! Кто теперь поручится, что его девственность не будет отнята сегодня же? Шутки в сторону! Лун Чжан ведь все еще крепко спал рядом! Ему совсем не улыбалось, чтобы невинный ребенок из-за него угодил в пучину «пошлости». С характером Лун Сюаня он наверняка привязал бы Лун Чжана поблизости, чтобы тот наблюдал за постельными утехами, а еще страшнее было бы, если бы и Лун Чжан решил принять в этом участие! Нет-нет-нет! С каких это пор его воображение стало таким буйным?

— Подними голову, Юань.

Услышав свое имя, Вэнь Юаньсинь рефлекторно вскинул голову и тут же пожалел об этом.

— М-м... М-м-м... Вэнь Юаньсинь нахмурился: как так вышло, что за два дня он раздал уже столько поцелуев, и всё — одному и тому же человеку?

Отпустив его руки, Лун Сюань нежно погладил его по щеке.

У Лун Сюаня были длинные ресницы, обрамлявшие его персиковые глаза, что безумно нравилось Вэнь Юаньсиню. Даже сейчас, когда те были закрыты, он знал: в глазах Лун Сюаня отражается только он один.

Ощущение, что ты — единственный для кого-то, показалось ему совсем не плохим.

Оказывается, вот что значит — поддаться чувствам.

Вэнь Юаньсинь обвил руками шею Лун Сюаня и от нахлынувших мыслей довольно прищурился. Лун Сюань приподнял уголки губ, чувствуя полное удовлетворение.

— М-м... Юань... а... — тихий, прерывистый взглас неподалёку привлёк их внимание. Они разом обернулись.

Лун Чжан, до этого спавший, медленно просыпался от шума. Увидев, что папа снова целуется с его братом Юанем, он недовольно надул губы, собираясь привлечь к себе внимание... но, подав голос, сам же замер в изумлении. Неужели он только что своим детским лепетом произнёс: Юань?

Заметив это, Вэнь Юаньсинь без малейшего стеснения оттолкнул своего возлюбленного, в которого признался лишь вчера вечером, и бросился к Лун Чжану:

— Чжан-эр, хороший мой! Умница! Ну-ка, скажи ещё раз: брат Юань!

— Юань... м-м... г-ге... — нахмурившись, Лун Чжан изо всех сил пытался выговорить слово «брат», но непослушный язык и горло никак не подчинялись его воле.

— Брат, брат... не торопись, мы никуда не спешим, — Вэнь Юаньсинь испытал такую радость, будто ребёнок начал говорить. И пусть Лун Чжан был не его сыном — какая разница! Сын Лун Сюаня — это и его сын тоже!

— Гэ... а, м-м... гэ... — продолжал стараться Лун Чжан.

Ах, ну до чего же он милый...

— Юань, разве мы не продолжим? — Лун Сюань внезапно почувствовал себя совершенно забытым. И это было... ох как неприятно.

— Что? Продолжим что? — в глазах Вэнь Юаньсиня читалось лишь искреннее недоумение.

—

— Ваше Величество, позвольте войти и помочь вам одеться, — донёсся из-за двери звонкий женский голос.

— ...Входи, — вздохнул Лун Сюань. Что ж, всему своё время.

Четыре прелестные служанки одна за другой вошли в покои, неся в руках всё необходимое: тазы для умывания, одежды, головные уборы и прочее.

Лун Сюань встал с кровати, позволяя девушкам умыть и одеть себя, после чего бросил:

— Эти четверо отныне при тебе. Сама находи с ними общий язык, но смотри, не сблизься настолько, чтобы затащить их в постель!

— Да кто бы говорил, умоляю тебя! — Вэнь Юаньсинь показал ему язык и отвернулся, чтобы продолжить учить Лун Чжана говорить.

— Скоро я пришлю лекаря, чтобы осмотрел Чжан-эра и выяснил, что с ним такое.

— Хорошо, — кивнул Вэнь Юаньсинь, не отрываясь от своего занятия.

Когда всё было закончено, Лун Сюань лишь коротко бросил: — Ухожу на утреннюю аудиенцию, жди меня к обеду, — и удалился, оставив четырёх служанок наедине с парой: большим и маленьким.

— Как вас зовут? — Вэнь Юаньсинь прищурился, а тон его был не самым приветливым. Ещё бы, он только что видел, как эти четыре женщины трогали его Лун Сюаня, суетились вокруг него... разве мог он сохранять хорошее настроение? Словом, ревность захлестнула его с головой.

— Нас, четырёх сестёр, назвали в честь Цинь, Ци, Шу и Хуа. Я — Юэ Цинь, вторая сестра — Жуй Ци, третья — Луо Шу, а младшая — Ин Хуа, — ответила старшая из них, девушка в жёлтом одеянии.

— ...Ясно. Идите, приготовьте нам завтрак.

— Слушаемся.

<http://bllate.org/book/21135/2144008>